

Эпоха преобразованія западно-русскихъ церковныхъ братствъ.

(1586—1600 гг.).

Религіозное движеніе, охватившее со времени реформы Лютера всю западную Европу, весьма сильно отразилось на церковныхъ дѣлахъ западной Россіи. Лютеранство, кальвинизмъ и затѣмъ наиболѣе рационалистическая протестантская секта—социніанство—стали распространяться въ XVI вѣкѣ въ Польшѣ и въ Литвѣ, захватывая въ свою среду весьма многихъ изъ представителей знатнѣйшихъ литовско-польскихъ родовъ, дававшихъ приютъ въ своихъ имѣніяхъ вожакамъ новыхъ сектъ.

Католичество было затронуто во всей Европѣ самымъ существеннымъ образомъ и оно, какъ извѣстно, въ лицѣ поволучрежденнаго въ 1540 году ордена іезуитовъ выставило могущественную армію для противодѣйствія реформаторскому движенію XVI вѣка. Этою арміею воспользовалось также католическое правительство Польши, которое, со времени окончательнаго присоединенія Литвы къ коронѣ польской въ 1569 году, стало питать смѣлую надежду о полномъ слявіи и подчиненіи Литвы Польшѣ. Видя въ православіи и русской народности главнѣйшее и сильнѣйшее препятствіе къ осуществленію этого замысла, польское правительство рѣшилось водворить въ королевствѣ и княжествѣ іезуитовъ, въ надеждѣ, что эта сила не только остановитъ протестантское движеніе въ государствѣ, но и сломитъ твердыню православія на Литвѣ.

Явившись въ Литвѣ въ 1569 году и опираясь на католическую духовную и свѣтскую власть, іезуиты прямо и открыто приступили къ своей пропагандѣ и направили всю свою энергію къ порабощенію православія латинству. При

содѣйствіи латинскаго бискупа Валеріана Протасевича, они свили себѣ прочное гнѣздо въ городѣ Вильнѣ, и оттуда разсѣялись по разнымъ центрамъ обширнаго тогда Литовскаго княжества. Во главѣ тогдашнихъ іезуитовъ стоялъ энергичный дѣятель Петръ Скарга, который своей извѣстной книгой: „О единствѣ церкви Божіей и о греческомъ отъ сего единства отступленіи“ (первое изданіе вышло въ 1577 г.) бросилъ прямой вызовъ всему православному міру; въ этомъ сочиненіи смѣлый іезуитъ прямо указывалъ на „унію“ съ римскимъ костеломъ, какъ на единственное вѣрное средство для достиженія этого единства.

Кинучая и отважная, литературная и практическая дѣятельность Скарги и его сотрудниковъ, оживленная содѣйствіемъ другаго знаменитаго іезуита Антонія Поссовина, который находился въ Вильнѣ въ восьмидесятыхъ годахъ XVI столѣтія, — открытіе въ Римѣ и въ Вильнѣ училищъ, предназначенныхъ для уловленія западно-русскаго юношества въ нѣдра католичества, — насильственное введеніе новаго григоріанскаго календаря съ цѣлью уничтоженія разновременности въ праздникахъ православныхъ и католиковъ, — переходъ въ католичество подъ вліяніемъ іезуитовъ нѣкоторыхъ литовскихъ магнатовъ, — всѣ эти явленія были грозными симптомами для православія и русской народности всей западной Руси.

Всѣ перечисленныя событія казались современникамъ тѣмъ страшнѣе, что они не могли не видѣть нѣкоторой слабости въ организациі своей православной Церкви. Эта слабость Литовской православной Церкви, оторванной отъ единства съ Московскою митрополіей еще въ XV вѣкѣ, происходила главнымъ образомъ отъ способа раздачи епископскихъ каедръ польскими королями, которые присвоили себѣ исключительное право „подаванья“ этихъ каедръ, со всѣми принадлежавшими къ архіерейскимъ домамъ земельными угодьями и другими доходными статьями. Здѣсь не мѣсто распространяться о тѣхъ замѣшательствахъ и беспорядкахъ, которые происходили въ западно-русской Церкви въ правленіе Сигизмунда II, Стефана Баторія и Сигизмунда III, весьма сильно злоупотреблявшихъ этимъ, такъ называемымъ, патронатскимъ правомъ. Напомнимъ лишь, что въ XVI вѣкѣ довольно часто были утверждаемы въ епископскомъ санѣ

люди недостойные этого высокаго положенія, которые искали матеріальной выгоды и иногда изъ за земныхъ благъ мѣняли саблю на клубукъ, а потому и не удивительно, что такіе люди съ толпою вооруженныхъ слугъ вступали между собой въ открытую драку изъ за церковныхъ земель и замковъ. Весьма естественно, что такіе епископы были слабо образованы и не въ состояніи были составить какого-либо трактата, брошюры или посланія для защиты православной вѣры и въ опроверженіе богословскихъ мнѣній своихъ противниковъ *). Если изъ среды православныхъ и выходили тогда какія либо полемическія сочиненія или посланія, то эти книги выходили изъ подъ пера ученыхъ иноковъ, священниковъ или-же образованныхъ свѣтскихъ лицъ.

Во главѣ тогдашнихъ образованныхъ свѣтскихъ лицъ среди православныхъ безспорно надлежитъ поставить князя Андрея Курбскаго и князя Константина Острожскаго. Въ настоящемъ краткомъ предисловіи нѣтъ возможности даже въ сжатыхъ чертахъ удовлетворительно представить обширную просвѣтительную дѣятельность обоихъ названныхъ русскихъ магнатовъ и ихъ вліяніе на современниковъ. Касаясь этой дѣятельности, мы имѣемъ лишь въ виду выяснить то благоприятное дѣйствіе, которое она оказывала на поднятіе образованія и начитанности среди средняго класса населенія и, въ частности, среди русскихъ мѣщанъ г. Львова и Вильны, изъ которыхъ были лица, находившіяся въ тѣсномъ общеніи и перепискѣ, какъ съ княземъ Курбскимъ, такъ и съ княземъ Острожскимъ.

Главная просвѣтительная дѣятельность князя Острожскаго сосредоточивалась на Волыни, въ его резиденціи г. Острогѣ, гдѣ онъ основалъ замѣчательное высшее училище и типографію. Въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ своихъ обширныхъ владѣній, какъ напримѣръ въ Туровѣ, въ Дубнѣ, въ Дермани, князь, съ цѣлью поднятія нравственности и просвѣщенія въ народѣ и въ духовенствѣ, также учреждалъ храмы, монастыри, школы и типографіи. Для расширенія

*) Извѣстны отзывы о Литовскихъ православныхъ епископахъ того времени—Антонія Поссевина, выразившагося про нихъ: „Theologiae progressus sint ignarissimi“ (Sup. ad. Hist. Rus. Monum., стр. 32), и кн. Андрея Курбскаго, высказавшагося „о глубокомъ ихъ неукуствѣ и лѣни“. (Сказ. кн. Курбскаго, 1842 г. стр. 236).

своего издательскаго дѣла князь сносился съ Москвою, съ константинопольскимъ патріархомъ Іереміей, съ греческими, болгарскими и сербскими монастырями съ цѣлью добыть оттуда списки св. писанія, какъ еллинскіе, такъ и славянскіе *).

Цѣлая улица въ старомъ Острогѣ прозывалась „греческою“ отъ многихъ грековъ, поселившихся тамъ; внѣшность зданій носила на себѣ характеръ греческой архитектуры и наружныя ихъ стѣны были украшены живописными изображеніями св. Апостоловъ и другихъ угодниковъ Божіихъ **). Привлекая къ себѣ въ Острогъ отовсюду ученыхъ людей и собравъ лучшіе списки св. Писанія, князь при посредствѣ этихъ ученыхъ, а также съ помощью своихъ образованныхъ русскихъ сотрудниковъ, началъ печатать въ защиту православія цѣнныя догматическія и полемическія сочиненія, направленные также противъ сочиненій написанныхъ въ защиту католическихъ идей іезуитами, и въ особенности противъ сочиненій ученѣйшаго изъ нихъ— Петра Скарги. Изъ выдающихся сочиненій написанныхъ въ восьмидесятихъ годахъ XVI вѣка въ г. Острогѣ русскими учеными отмѣтимъ: „Ключъ царства небеснаго“ Герасима Даниловича Смотрицкаго, ближайшаго сотрудника князя по изданію книгъ, и знаменитое изслѣдованіе, не утратившее еще и теперь своего литературнаго достоинства, „О единой истинной православной вѣрѣ“ священника Василія. ***) Въ Острожской типографіи издавались также катехизисы, учебники, богослужебныя книги, переводы съ греческаго твореній отцевъ Церкви. Всего болѣе прославился князь изданіемъ въ 1580 году славянской библии, извѣстной подъ названіемъ „Острожской библии“; появленіе

*) См. первое предисловіе къ Библии, напечат. въ Острогѣ въ 1581 году; Строевъ, описан. старопечат. книгъ графа Толстова. № 22, стр. 51 и послѣд.

**) См. Описаніе г. Острога, состав. Перлштейномъ, Москва, 1847 г.

***) Названное сочиненіе Смотрицкаго (вышло въ свѣтъ въ 1587 г.) издано въ защиту православія и, въ частности, въ опроверженіе мнѣнія іезуита Гербеста о необходимости принятія новаго григоріанскаго календаря. Іезуитъ Бенедиктъ Гербестъ, ректоръ коллегіи въ г. Ярославль (въ Галичинѣ), издалъ въ 1586 г. брошюру подъ заглавіемъ: „Wiary kościoła Rzymskiego wudy i Greckiego niewolstwa historia. gła jednosci“. Сочиненіе священника Василія (кириака Острожскаго) вышло въ 1588 году.

ея въ свѣтъ было настоящимъ благодѣяніемъ для всего православнаго міра. При княжеской типографіи работалъ первый русскій типографщикъ Иванъ Федоровъ, перенесшій сюда свою дѣятельность изъ Москвы. Въ княжескомъ училищѣ въ г. Острогѣ занимается преподаваніемъ между другими учеными образованный грекъ Кириллъ Лукарьскій (былъ также ректоромъ сего училища), сдѣлавшійся потомъ константинопольскимъ патріархомъ, а изъ учениковъ Острожскаго училища вышелъ Исаія Копицскій, бывший митрополитомъ Кіевскимъ.

Весьма обширна была также просвѣтительная дѣятельность князя Андрѣя Курбскаго, который умеръ лѣтъ на 20 слишкомъ раньше князя Острожскаго и въ восьмидесятихъ годахъ XVI столѣтія уже заканчивалъ свою ученую карьеру. Проживая въ изгнаніи на Литвѣ, именно въ г. Ковелѣ, и радѣя о распространеніи богословскаго образованія среди православнаго общества, князь Курбскій собралъ у себя обширную бібліотеку изъ твореній отцевъ Церкви, какъ-то: Іоанна Златоуста, Григорія Богослова, Василия Великаго, Кирилла Александрійскаго, Іоанна Дамаскина, а также изъ церковныхъ историковъ, какъ напр. Евсевія, Никифора Каллиста. Князь Курбскій на старости лѣтъ („уже въ сѣдинахъ“, — какъ самъ писалъ) нашелъ въ себѣ достаточно энергіи для изученія латинскаго языка, съ котораго, вмѣстѣ съ своимъ родственникомъ княземъ Михаиломъ Оболенскимъ, сталъ переводить отдѣльныя бесѣды и отрывки изъ твореній отцевъ Церкви, обличавшіе неправду іезуитскихъ и протестантскихъ мнѣній, а также перевелъ цѣликомъ богословіе Дамаскина. Особенно доволенъ былъ князь Курбскій появленіемъ пріобрѣтенныхъ съ Аѳона княземъ Острожскимъ, въ славянскомъ переводѣ, писаній Солунскихъ митрополитовъ Григорія и Нила, направленныхъ противъ латинявъ. Содѣйствуя распространенію этихъ книгъ, не только среди православныхъ, но и между католиками, [— а также разсылая сочиненія противъ латинявъ извѣстнаго богослова Максима Грека, —] князь считалъ, что эта духовная помощь со св. горы Аѳонской принесена къ намъ „яко самую рукою Божіею“.

Независимо отъ этихъ переводовъ, князь Курбскій самъ писалъ разнымъ своимъ пріятелямъ отдѣльные листы и

письма, въ которыхъ изобличалъ „гордыхъ и упрямыхъ“ іезуитовъ, а пріятелей своихъ убѣждалъ охранять православную вѣру.

Эти письма кн. Курбскаго для насъ особенно цѣнны, такъ какъ проливаютъ свѣтъ на умственное состояніе и образованіе тогдашняго русскаго средняго сословія, и указываютъ, что уровень этого образованія среди православныхъ мѣщанъ—купецовъ и ремесленниковъ,—населявшихъ большіе города Литовскаго княжества и Галичины, какъ напримѣръ: Вильно, Могилевъ, Львовъ и другіе, былъ достаточно высокъ не только для тогдашняго времени, но и съ точки зрѣнія современныхъ требованій и желаній. Данные извлеченныя изъ писемъ Курбскаго, хотя отчасти, объясняютъ намъ: почему въ указанныхъ выше центрахъ могли въ концѣ XVI вѣка учредиться такіе просвѣтительно-благотворительные союзы, какъ церковныя братства, перестроившія церковно-приходскую жизнь православнаго общества и направившія эту жизнь къ цѣлямъ, свойственнымъ христіанскимъ общинамъ. Особенно важны въ этомъ отношеніи письма князя Курбскаго къ Виленскому бургомистру Кузьмѣ Мамоничу и къ Львовскому мѣщанину Семену Сбдларю.

Кузьма Ивановичъ Мамоничъ и братъ его Лука Ивановичъ устроили въ г. Вильнѣ, около 1575 года, весьма хорошую типографію, въ которой печатали по славянски священныя и другія книги, какъ то: Евангеліе, Дѣянія и посланія Апостольскія, псалтири, грамматики славянскаго языка, статутъ великаго княжества Литовскаго и др. Вокругъ Мамоничей образовался въ Вильнѣ кружокъ высоко образованныхъ людей, которые свои средства и знанія употребляли на изданіе необходимыхъ и полезныхъ для духовенства и народа книгъ. На первомъ планѣ слѣдуетъ поставить Зиновія Семеновича Зарецкаго и брата его Ивана Семеновича, заботившихся объ изданіи св. Писанія на славянскомъ языкѣ. Во главѣ типографскаго дѣла стояли, примыкавшіе къ этому кружку, извѣстные типографщики того времени: Петръ Мстиславецъ и Василій Гарабурда. Покинувъ Москву, Петръ Тимоѣевичъ Мстиславецъ, со своимъ знаменитымъ товарищемъ Иваномъ Федоровымъ, проработавъ нѣкоторое время въ Заблудовѣ (мѣстечко въ

Бѣлостокскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи), въ типографіи Литовскаго гетмана Григорія Александровича Ходкевича, переселился затѣмъ въ Вильну и трудился въ типографіи Мамоничей.

Съ этимъ кружкомъ въ весьма тѣсныхъ отношеніяхъ находился князь Курбскій. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Кузьмѣ Мамоничу, онъ просилъ его посовѣтовать православнымъ безъ помощи своихъ ученыхъ не вступать въ споры съ іезуитами, хулящими ихъ св. вѣру и ведущими хитрыя бесѣды, въ заключеніи этого письма князь просилъ также Мамонича прочесть это письмо въ домѣ Зиновія Семеновича Зарецкаго „всѣмъ въ правовѣрїи стоящимъ Виленскимъ мѣщанамъ“. Въ другомъ своемъ письмѣ къ тому-же Кузьмѣ Мамоничу, князь совѣтовалъ православнымъ Виленцамъ скорѣе списать произведенія Солунскихъ митрополитовъ Григорія и Пила, взявъ рукопись у него, князя, или-же у типографщика Василя Гарабурды *).

Также весьма любопытно письмо кн. Курбскаго (отъ 1580 г.) къ Семену Сѣдларю „мѣщанину Львовскому, мужу честному о духовныхъ вещахъ вопрошающему“. Исполняя просьбу Сѣдлара, желавшаго знать, что думалъ Іоаннъ Златоустъ о чистилищѣ, князь послалъ ему переведенную имъ, княземъ, съ латинскаго языка бесѣду сего святителя (именно 9-ую) на апостола Павла и совѣтовалъ читать ее и услаждаться ею „со правовѣрными восточныхъ церквей“; въ заключеніи письма князь просилъ къ себѣ „отца Мину“, или-же самого Сѣдлара на бесѣду („усты ко устамъ“) относительно того, какими средствами лучше отразить софизмы иновѣрныхъ **).

Всѣ приведенныя выше данныя несомнѣнно убѣждаютъ въ томъ, что въ Литовскихъ и Галицкихъ центрахъ среднее православное сословіе было въ концѣ XVI вѣка достаточно образовано, имѣло возможность пріобрѣтать необходимыя для православныхъ христіанъ книги, интересовалось богословскими вопросами, старалось усвоить себѣ по источникамъ правоту своей вѣры предъ чуждымъ ей ученіемъ католиковъ и протестантовъ, и, такимъ образомъ,

*) Сказанія князя Курбскаго, изд. Устрялова, 1842 г., стр. 260—266.

***) *ibid*, стр. 288—290.

было способно поднять на свои плечи великую задачу пересозданія нашихъ, такъ называемыхъ, „медовыхъ братствъ“ — преслѣдовавшихъ только мѣстные церковно-приходскіе интересы — въ обширные христіанскіе союзы съ широкими просвѣтительными и благотворительными цѣлями. О томъ, какъ отзывчиво эти незнатные люди относились къ просвѣщенію, видно изъ трогательныхъ словъ нашего перваго русскаго типографщика Ивана Федорова, который послѣ Москвы и Заблудова пытался устроиться около 1573 года въ г. Львовѣ. Здѣсь онъ тщетно искалъ себѣ помощи у богатыхъ и знатныхъ и нашелъ ее у небогатыхъ и незнатныхъ. Эти слова такъ краснорѣчивы и назидательны, что мы рѣшаемся привести ихъ въ подлинномъ отрывкѣ. Они помѣщены въ послѣсловіи, въ концѣ книги „Апостоль“, напечатанной Иваномъ Федоровымъ въ г. Львовѣ, въ 1574 году. Рассказавъ вкратцѣ объ обстоятельствахъ, вынудившихъ его покинуть Москву, о своемъ пребываніи въ Заблудовѣ у Ходкевича, и затѣмъ о переселеніи своемъ въ г. Львовъ, вслѣдствіе болѣзни постигшей Ходкевича, Иванъ Федоровъ продолжаетъ: „И помолившумися, начахъ богоизбранное сіе дѣло (т. е. типографское) къ устроенію на-вершати, якобы богодохновенныя догматы распространевати, и обтнцахъ многаши богатыхъ и благородныхъ въ мірѣ, помощи прося отъ нихъ, и металіе сотворяя, колѣномъ касаяся и припадая на лица земномъ, сердечно каплющими слезами моими ноги ихъ омывахъ, и сіе не единою, ни дванаши. но и многаши сотворяхъ, и въ церкви священнику всѣмъ въ слухъ повѣдати повелѣхъ: не испросихъ умиленными глаголы, ни умолихъ многослезнымъ рыданіемъ, не исходатайствовахъ никоеяже милости іерейскими чинми, и плакахся прегоркими слезами, еже не обрѣтохъ милующаго, ниже помогающаго, не точію-же въ русскомъ народѣ, но ниже въ грекахъ милости обрѣтохъ; но мали нѣщцы въ іерейскомъ чину, ннии-же неславни въ мірѣ, обрѣтошася, помощь подающе. Не мною бо отъ избытка имъ сія творити, но якоже оная убогая вдовица отъ лишенія своего двѣ лептѣ воверхшія: вѣмъ убо, яко въ нынѣшнемъ мірѣ должная ихъ къ нимъ возвратится, въ будущемъ же вѣцѣ отъ богатодавца Бога стократцею воздастся“ *).

* П. Строевъ, Описан. старопечать. книгъ графа Толстова, 1829 г., стр. 37.

Но какъ ни утѣшительна сама по себѣ картина русскаго народнаго просвѣщенія въ Литвѣ и Галичинѣ во второй половинѣ XVI вѣка, — какъ ни важна и ни плодотворна была просвѣтительная дѣятельность Ходкевича, Курбскаго, Острожскаго и другихъ высокообразованныхъ русскихъ вельможъ, — какъ ни сильна была защита православія отъ нападковъ на него враговъ, начатая въ то время русскими учеными богословами, въ родѣ извѣстнаго старца Артемія *), Герасима Смотрицкаго, священника Василя, — все-таки каждый, кто познакомится съ замѣчательными уставами и дѣятельностью въ ту эпоху западно-русскихъ просвѣтительныхъ братствъ, — въ особенности Виленскаго и Львовскаго, — невольно долженъ признать, что въ появленіи этихъ необычайныхъ христіанскихъ союзовъ, почти накапунѣ насильственнаго введенія „уніи“, въ государствѣ, гдѣ власти были открыто враждебны православію, слѣдуетъ видѣть Промыслъ Божій, пекущійся явно для людей о судьбѣ своей Церкви. Послѣ отступничества отъ православія въ 1592 году высшихъ іерарховъ и введенія въ Польско-Литовскомъ государствѣ уніи въ 1596 году, низшее духовенство съ мірянами въ западной Россіи, ведомое Рукою Божіею, сплотившись во едино, явили міру невиданное зрѣлище, именно: дѣйствующей христіанской Церкви, которая оставалась почти безъ высшихъ іерарховъ вплоть до 1620 года. Въ это время братства дѣйствительно являлись для народа, какъ-бы высшими пастырями, просвѣщавшими, наставлявшими и поддерживавшими его въ эти тяжелые годы.

Въ настоящемъ очеркѣ мы предложимъ наше посильное изложеніе замѣчательной исторіи преобразования церковныхъ братствъ въ западной Россіи.

*) Старецъ Артемій, бывшій игуменъ Троицкаго Сергіева монастыря по осужденіи его на Стоглавомъ Московскомъ соборѣ, бѣжалъ изъ Соловецкаго монастыря въ Литву и здѣсь писалъ свои извѣстныя посланія противъ лютеранъ и кальвинистовъ, имѣвшія сильное вліяніе на современниковъ, въ томъ числѣ и на князя Курбскаго.

Посѣщеніе западной Россіи двумя восточными патріархами, Антиохійскимъ Іоакимомъ, въ 1586 году, и Константинопольскимъ Іереміей, въ 1588 и 1589 годахъ, составило эпоху въ жизни православныхъ церковныхъ братствъ.

Сношенія восточныхъ патріарховъ, въ особенности вселенскаго патріарха, съ западной Россіей были весьма частыми и обыкновенно осуществлялись черезъ виленскихъ, и еще скорѣе черезъ львовскихъ купцовъ, бѣдившихъ часто по торговымъ дѣламъ на востокъ и въ Константинополь. Этимъ путемъ до патріарховъ и доходили вѣсти о томъ нестроеніи и безпорядкахъ въ западно-русской церкви, которые рѣзко проявились во второй половинѣ XVI вѣка, и вызвали въ 1585 году извѣстное обличительное посланіе галицко-русскихъ православныхъ дворянъ кievскому митрополиту Онисифору. Въ этомъ посланіи они убѣдительно просили митрополита принять дѣятельныя мѣры для водворенія мира въ церкви, и для обузданія своеволія и печестивой жизни „*епископовъ-шляхтичей*“, въ большинствѣ оказавшихся непригодными къ занятію епископскихъ должностей ¹⁾. Наконецъ, до патріарховъ должны были также дойти свѣдѣнія объ усиливавшейся враждѣ католиковъ къ православнымъ, которые не принимали навязываемаго имъ новаго григоріанскаго календаря. Эта вражда выказалась особенно въ декабрѣ 1583 года въ гор. Львовѣ нападеніемъ католическаго духовенства съ вооруженною шляхтою, въ навечеріе праздника Рождества Христова, на тамошніе монастыри и церкви, которые, по приказу Львовскаго архиепискупа Соликовскаго, были запечатаны, и только послѣ заключенія въ 1585 году мировой съ православнымъ Львовскимъ епископомъ Гедеономъ порядокъ въ церковныхъ дѣлахъ былъ снова восстановленъ ²⁾.

Первымъ изъ названныхъ выше патріарховъ посѣтилъ Россію Антиохійскій патріархъ Іоакимъ, который путешествовалъ для собиранія милостыни на поддержаніе храмовъ и утѣшеннаго духовенства въ Сиріи; но, кажется, царемъ

¹⁾ А. З. Р., т. III. № 146, (посланіе галицко-русскихъ дворянъ).

²⁾ А. З. Р. т. III, № 140; Лѣтоп. Львов. брат., Журн. Мин. Нар. Просв. т. 62, 1849 г.; подъ 1584 год.; актъ примиренія отъ 15 фев. 1585 год. между латинскимъ и православнымъ епископами въ Апокрисисѣ Христофора *Филаета*, перев. издан. въ Кіевѣ въ 1870 год., стр. 43

градскій патріархъ поручилъ ему лично удостовѣриться о положеніи православной церкви въ Польшѣ *). Прибывъ 1 января 1586 года въ гор. Львовъ, патріархъ Великія Антіохіи и Киликіи, Иверіи, Сиріи и по всему востоку солнца, Іоакимъ поселился при городской церкви и познакомился съ членами тамошняго Успенскаго братства, которые явились къ нему въ полномъ составѣ. Это свиданіе и дальнѣйшее личное общеніе патріарха съ братчиками, а равно посѣщеніе имъ всей Львовской епархіи, были событіями высоко знаменательными для судьбы нашей западной церкви. Патріархъ Іоакимъ воочію убѣдился, что въ православномъ обществѣ обрѣталось еще достаточное количество вѣрующихъ и преданныхъ церкви людей, которые могли совершить истинно христіанскій подвигъ для поддержания православія.

По указаніямъ патріарха, снесшагося предварительно грамотою съ вселенскимъ патріархомъ, члены Успенскаго братства выработали такой уставъ высоко-нравственнаго церковнаго союза, который приближался по духу къ тѣмъ христіанскимъ общинамъ, кои появились въ первые вѣка христіанской эры и остались навсегда для человѣчества недосыгаемымъ идеаломъ общественнаго устройства, всецѣло проникнутаго христіанскими интересами.

Церковное возрожденіе совершилось у насъ на западѣ (какъ мы подробнѣе укажемъ ниже) не раціоналистическимъ путемъ, не путемъ воинственнаго протеста противъ безпорядковъ въ церкви и созданія особо измышленныхъ догматовъ, новыхъ обрядностей и новаго церковнаго строя, а путемъ нравственнаго самоусовершенствованія православнаго общества, дѣйствовавшаго подъ вліяніемъ живой вѣры, вѣчно требующей добрыхъ дѣлъ и вызывающей заботы къ просвѣщенію меньшей, обездоленной братіи.

Въ уставѣ преобразованнаго въ 1586 году Львовскаго братства было провозглашено, что церковное богатство есть нищихъ богатство; оно назначается: для воспитанія сиротъ, для прокормленія впадшихъ въ недугъ старости или болѣзни, бѣдныхъ и дѣтей—большаго семейства, для призрѣ-

) Лѣтопись Львов. брат., Журн. Мин. Нар. Просв., 1849 г., т. 62, подъ 1586 годомъ. Цѣлію поѣздки въ Россію Константинопольскаго патріарха Іоакима, какъ извѣстно, было поставленіе въ Москвѣ патріарха.

нія странниковъ, для попеченія о сиротахъ и убогихъ, для пособія вдовамъ, для вспомошествованія дѣвицамъ, для защиты обидимыхъ, для помощи въ несчастіяхъ отъ пожара и наводненія, для искупленія плѣнныхъ, для прокормленія во время голода, для одѣянія и погребенія умирающихъ въ бѣдности, для поддержанія церквей и опустѣвшихъ монастырей, словомъ: для покрова и утѣшенія живымъ и для поминовенія мертвыхъ ³⁾).

Принимая на себя заботу о доставленіи матеріальныхъ средствъ всѣмъ людямъ нуждающимся, болящимъ, убогимъ и сиротамъ, братство одновременно поднимало на свои плечи великую задачу распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ народѣ. Совѣтомъ и повелѣніемъ того же патріарха Іоакима, въ 1586 году, въ гор. Львовѣ, при церкви Успенія Божіей Матери, по стародавнему обычаю, устроилось на средства гражданъ, какъ мѣщанскаго, духовнаго, такъ и дворянскаго сословія, училище, подъ названіемъ „школы славянскаго и греческаго языковъ“, для распространенія православнаго ученія о вѣрѣ и съ цѣлями нравственно-воспитательными, потребовавшими высокаго нравственнаго ценза отъ персонала учителей и наставниковъ, живаго содѣйствія имъ со стороны родителей учениковъ, или же лицъ, у которыхъ они проживали, а также самодѣятельности и самопомощи со стороны самихъ учениковъ *).

^{*)} Уставъ школы требовалъ отъ учителей не только знаній, но и доброй нравственности и палагалъ на нихъ обязанность быть строго православными; ввиду же тѣсной связи братской школы съ жизнью и обществомъ, отъ родителей и опекуновъ уставъ требовалъ активнаго содѣйствія дѣламъ школы, а именно бдительнаго надзора за поведеніемъ дѣтей въ школѣ и спрашиванія уроковъ; наконецъ, ставя высшей задачей школы выработку характера воспитанниковъ на началахъ строго-христіанскихъ, уставъ вводилъ принципъ взаимнаго обученія, выражавшагося въ диспутахъ учениковъ между собою и требовалъ отъ нихъ сознательнаго и живаго отношенія къ храму Божію, къ богослуженію и къ выполненію высшаго долга христіанскаго — исповѣди и принятія св. Таинъ. См. статью М. Линчевскаго „Педагогія древнихъ братскихъ школъ“ въ Труд. Кіев. Дух. Акад. 1870 г., Іюль — Сентябрь.

³⁾ Уставъ Львовскаго братства помѣщенъ въ Памятникахъ, изданныхъ Кіевскою комиссіею для разбора древнихъ актовъ, Кіевъ, 1852 г., т. III, стр. 1—21, и въ Уставныхъ дипломахъ („Diplomata statutaria“), пожалованныхъ патріархами востока Львовскому братству, Львовъ, 1895 г., стр. 3—15.

Для этого всеобщаго братскаго училища, состоявшаго подъ надзоромъ двухъ братчиковъ, былъ начертанъ особый уставъ, въ которомъ провозглашено было то начало, что духовное просвѣщеніе составляетъ всю сущность жизни человѣка. Программа преподаваемыхъ въ этомъ училищѣ предметовъ приближала его, если не къ высшимъ, то во всякомъ случаѣ къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ тогдашняго времени; такъ въ немъ, раздѣленномъ на три курса, преподавались: св. писаніе (а также и творенія отцевъ церкви), церковный чинъ, церковное пѣніе, греческій и славянскій языки *), грамматика, ариметика (пасхалія и лунное теченіе), риторика, діалектика (также знакомство съ философіями, поэтами и историками) и музыка, а въ воскресные и праздничные дни учителя обязывались передъ обѣдней сообщать ученикамъ свѣдѣнія о праздникахъ, а послѣ обѣда—пояснять дневное Евангеліе и Апостолъ ¹⁾).

Для изданія богослужебныхъ книгъ, учебниковъ, а также разнаго рода религіозно-нравственныхъ книгъ, въ томъ числѣ и полемическихъ, братство тогда же учредило типографію „писма словенского и грецкого“. Еще почти за годъ до пріѣзда патріарха Іоакима, именно въ 1585 году, братство приобрѣло за 1,500 зл. типографію, заложенную одному еврею нашимъ первымъ русскимъ типографщикомъ Иваномъ Федоровымъ, переселившимся изъ Москвы въ Львовъ и впадшимъ здѣсь въ крайнюю бѣдность **).

Для выполненія всѣхъ перечисленныхъ выше благотворительныхъ и просвѣтительныхъ обязанностей въ христіан-

*) Изученіе языковъ было поставлено вполнѣ практически; дѣти обязаны были говорить между собой въ школѣ по гречески, или по славянски, а потому изъ Львовской школы выходили люди, прекрасно знавшіе греческій языкъ и свободно владѣвшіе литературнымъ славянскимъ языкомъ.

¹⁾ См. окружное письмо патріарха Іоакима отъ 15 янв. 1586 года въ I т. юбилейн. изд. Львов. брат. № LXXXIV и въ А. З. Р., т. III, № 157; срав. также окружное постановленіе патріарха Іереміи въ ноябрѣ 1589 г., въ томъ-же юбилейн. изд. № LXXXVI. Въ лѣтоп. Львов. брат. подъ 1586 годомъ указано, что въ оратской типографіи, въ продолженіе почти трехъ вѣковъ напечатано по крайней мѣрѣ 300.000 церковныхъ и учебныхъ книгъ.

²⁾ Diplom. statut., стр. 21—34 (правила и порядки школы); срав. съ уставомъ той-же школы, помѣщенномъ въ Вѣст. югозапад и запад. Россіи, 1863 годъ, мартъ. Этотъ уставъ послужилъ образцомъ, между прочимъ и для Луцкой школы.

скомъ духѣ требовалось учредить такой союзъ, вступленіе въ который обязывало каждыя члена перестроить всю свою личную жизнь и свои отношенія къ ближнимъ на началахъ христіанскихъ („жить евангельски, по ученію и правиламъ апостоловъ и св. отцевъ“, — какъ значитъ въ уставѣ), и своимъ собственнымъ примѣромъ побуждать другихъ къ самоусовершенствованію,

Вступившій въ „святое“ Успенское братство, какъ видно изъ древней формулы присяги, принималъ на себя „всей душой“ обѣтъ пребыванія въ союзѣ до послѣдняго часа и исполненія всѣхъ выпадающихъ на него обязанностей и повинностей, и въ подтвержденіе своей клятвы цѣловалъ крестъ и давалъ братское лобзаніе всей братіи ⁵⁾).

Въ отношеніи къ своимъ собратіямъ каждый братчикъ, „стараясь о добрѣ передъ Богомъ и людьми“, обязывался огдавать другому предпочтеніе и всячески помогать собрату въ болѣзняхъ, несчастіяхъ и нуждахъ, а въ случаѣ его смерти — провожать со свѣчами его тѣло до могилы вмѣстѣ со всѣми остальными братіями. Старшіе въ братствѣ должны быть, по Христову Евангелію, всѣмъ слугами и въ этомъ именно смыслѣ понималъ уставъ ихъ старѣйшинство и связанное съ нимъ управленіе дѣлами братства. Всякая обида, нанесенная братчику, почиталась за обиду всего братства, а потому виновный, помимо наказанія, (сидѣніе на колокольнѣ и уплата штрафа — камень воску) *) долженъ былъ безъ замедленія испросить прощеніе, какъ у обиженнаго, такъ и у всего братства. Всѣ члены братства были связаны обѣщаніемъ не выносить за порогъ братскаго дома никакое братское дѣло и хранить всѣ постановленія собраній въ тайнѣ. Сошедшіеся въ братскомъ домѣ (или у священника, или въ частномъ домѣ у братчика), по окончаніи положенныхъ занятій, должны были читать („по преданію св. отцевъ“) священныя книги (ветхаго и новаго завѣта) и скромно другъ съ другомъ бесѣдовать, и всякое неспотребное или корчемное слово влекло за собою наказаніе (штрафъ — фунтъ воску), причемъ, устанавливая братскій судъ и наказаніе для виновныхъ,

*) „Камень“ — равнялся 36 русскимъ фунтамъ слишкомъ.

5) Формула присяги помѣщена на стр. 1, Diplom. statut.

уставъ проводилъ требованіе, чтобы старшіе братчики за тѣ же проступки несли наказаніе вдвое и втрое, ибо они достойны большаго наказанія „чести ради“.

Такія высоко-нравственныя правила были установлены для личнаго поведенія братчиковъ и для ихъ взаимныхъ сношеній.

Для управленія дѣлами братства ежегодно избирались четыре старшіе брата. Они исполняли приговоры, постановленные въ собраніи, имѣли на сохраненіи казну *), и, по истеченіи года, въ полномъ собраніи давали отчетъ въ управленіи. Лица всѣхъ сословій могли вписываться въ братство (съ уплатою шести грошей въ годъ), какъ львовскіе жители, такъ и посторонніе. Братство имѣло свои собранія (обязательныя подѣ опасеніемъ уплаты пени за неявку) одинъ разъ въ мѣсяць, или же, когда это будетъ нужно и можно, причемъ сходитья въ братскій домъ надлежало послѣ отсылки братскаго знамени **). Для поминовенія усопшихъ каждый братъ вписывалъ въ помянникъ имя своего отца, матери и всѣхъ умершихъ родственниковъ, а священникъ братства читалъ этотъ помянникъ на утрени и вечерни, въ дни поминовенія и въ великій постъ, по уставу церковному. Сверхъ того, ежегодно совершались двѣ литургіи за все братство, за здравная и за упокойная, причемъ раздавалась милостыня.

Этимъ уставомъ братство было поднято на небывалую еще для этихъ учрежденій высоту и явилось въ западной Руси новой церковно-общественной силой, которой патріархъ не усумнился предоставить, въ видахъ внутренняго возрожденія церковной жизни въ странѣ, необычайныя права и полномочія. Братству предоставлено было „творить судъ

*) Кружка братская находится у старшаго, а ключъ отъ нея у младшаго брата; при отвореніи и замыканіи братской скрыжки были произношены особо составленные молитвословія.

**) Съ знаменемъ обходили также и для извѣщенія о погребеніи умершаго братчика. Братство имѣло еще свою печаль съ изображеніемъ Успенія Пресвятой Богородицы и стараго братскаго храма съ слѣдующей надписью по славянски: † Братство † львовское † храма † Оуспенія † Бѣа †. Другая меньшая печаль съ изображеніемъ колокольніи при храмѣ и внизу льва (гербъ города Львова) имѣла слѣдующую надпись: „оглашеніе церкве братствъ львовского“. Снимки съ этихъ печатей помѣщены въ I т. юбилейн. изд. Львов, брат, табл. XIII.

истинный, ублажать добрыхъ, непокоряющихся истинѣ законно обличать и наказывать, а пребывающихъ въ нераскаяніи отлучать отъ церкви“. Отдавая братству церковный судъ надъ его сочленами и предоставляя ему право отлучать чрезъ братскаго священника въ храмъ непокорныхъ отъ церкви, патріархъ сдѣлалъ Львовское братство старѣйшимъ и первымъ между всѣми остальными юго-западными братствами, которыя этимъ распоряженіемъ связывались въ одинъ общій союзъ и должны были сообразоваться съ постановленіями этого старшаго братства и подчиняться его требованіямъ. Это первенство обуславливало Львовскому братству право высшаго надзора за всѣми православными края и не входившими въ составъ братства, какого бы званія и состоянія они ни были. и даже по обстоятельствамъ того времени отъ этого надзора не былъ исключенъ и самъ епископъ. Уставъ въ этомъ отношеніи предписывалъ братству словесно или письменно увѣщевать свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, жившихъ не по закону, а о непослушныхъ доносить епископу. „Если и епископъ пошелъ бы противъ закона истины (говорилось въ уставѣ) и сталъ бы управлять церковью не по правиламъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отцевъ, совращая праведныхъ въ неправду и поддерживая беззаконниковъ, то такому епископу должны были противиться всѣ, какъ врагу истины“ *).

Такъ пересоздалось замѣчательное Успенское Львовское братство, начертавшее въ своемъ уставѣ типъ церковнаго общественнаго союза, поставившаго себѣ задачей: перевоспитаніе въ православномъ духѣ своихъ сочленовъ, внесеніе нравственныхъ обязанностей въ ихъ отношенія къ меньшимъ братіямъ, нуждающимся, какъ въ просвѣщеніи и руководительствѣ, такъ и въ матеріальной помощи, и распространеніе и поддержаніе совокупными силами въ Россіи православія.

*) „Если-бы кто изъ братства былъ обвиненъ предъ епископомъ, то онъ не долженъ самъ по себѣ оправдываться,—пока не станетъ съ нимъ братство; тогда братія вмѣстѣ при епископѣ должны изслѣдовать обстоятельства обвиненія и судиться по правиламъ св. отцевъ“. (§ 31 устава).—Въ лѣтоп. Львов. брат., подъ 1605 год. указывается, что Львовское братство (въ XVII вѣкѣ), если дѣло касалось одного изъ его членовъ, имѣло право назначать своихъ депутатовъ съ правомъ голоса въ епископскую консисторію.

Устроивъ братство и утвердивъ его уставъ, патріархъ Іоакимъ обратился 15 января 1586 года съ окружнымъ посланіемъ къ русско-литовскому православному духовенству, сановникамъ и мірянамъ съ приглашеніемъ ихъ къ приношеніямъ на устроеніе въ городѣ Львовѣ греко-славянской школы и типографіи, также новой каменной церкви и богадѣльни ⁶⁾.

28 мая 1586 года Львовское братство писало цареградскому патріарху Теолипу о распоряженіяхъ патріарха Іоакима, посовѣтовавшаго братству: „да устроится школа, такожь друкарня (типографія), да воздвигнется тоже братство соединенія ради церковнаго строенія“, и просило патріарха о благословеніи и одобреніи сихъ распоряженій ⁷⁾.

Весьма любопытно, что въ самомъ началѣ устройства братства и его учрежденій на новыхъ началахъ Львовскій епископъ Гедеонъ Болобанъ (ставшій впоследствии во враждебныя отношенія къ братству) не только не противился этому, но, какъ видно изъ его окружнаго посланія отъ 1 мая 1587 года, онъ дѣйствовалъ тогда согласно съ патріархомъ Іоакимомъ, и даже обратился ко всѣмъ православнымъ христіанамъ съ воззваніемъ о пожертвованіяхъ на нужды братства, причемъ свое посланіе отпривилъ чрезъ особаго посланца, снабдивъ его сборнымъ листомъ. Весьма характерны въ этомъ посланіи слѣдующія мѣста: „просимъ отдѣлѣте нѣкую часть зъ маетьностей своихъ што вамъ Господь Богъ далъ для славы имени Его святого и для своего и своихъ сыновъ душевнаго спасенія, размножаючи писма святого науку дѣтемъ вашимъ, подвижѣте умвые очи ваши и бачте разумѣючи о своемъ недостатку науки духовное и умилостивѣте ся о себѣ, да и васъ Богъ помилуетъ“ ⁸⁾.

Константинопольскій патріархъ Іеремія, занявшій престолъ послѣ патріарха Теолипта, не замедлилъ принять Львовское братство подъ особое свое покровительство. Такъ, узнавъ изъ письма патріарха Іоакима, что Львовскій епископъ Гедеонъ Болобанъ, желая отнять у братства оба

⁶⁾ А. З. Р., т. III, № 157 и I т. юбилейн. изд. Львов. брат., № LXXXIV.

⁷⁾ Реестръ документовъ въ I т. юбилейн. изд. Львов. брат. (№ 21).

⁸⁾ I т. юбилейн. изд. Львов. бр., № LXXXV.

его монастыря: Онуфріевскій и Уневскій, открыто заявили себя противникомъ братства и стали дѣлать разныя притѣсненія братскимъ священникамъ, братской школѣ и даже отлучили нѣкоторыхъ братчиковъ отъ церкви, патріархъ Іеремія, въ ноябрѣ 1587 года написалъ епископу Гедеоу письмо, въ которомъ строго наказывалъ ему не дѣлать никакихъ притѣсненій братству, причѣмъ о самихъ братчикахъ отзывался, что „въ нихъ Богъ почиваетъ и славится“⁹⁾). Кроме того, патріархъ Іеремія, еще раньше, именно въ августѣ 1587 года извѣщалъ письмомъ братчиковъ, что онъ снимаетъ съ нѣкоторыхъ изъ нихъ, отлученныхъ епископомъ Гедеономъ отъ церкви, это запрещеніе и дозволяетъ имъ свободно посѣщать храмы^{*}), а богатаго гражданина города Львова Константина Корнякта особымъ письмомъ, въ ноябрѣ 1587 года, побуждалъ къ пожертвованіямъ въ пользу братства и на возобновленіе его храма¹⁰⁾). Заботы свои о братскомъ училищѣ патріархъ Іеремія выразилъ присылкою въ Львовъ еще весною 1587 года елассонскаго митрополита Арсенія, который принялъ на себя преподаваніе въ училищѣ и оставался въ немъ около двухъ лѣтъ¹¹⁾ **). Наконецъ, въ декабрѣ того же 1587 года, патріархъ Іеремія грамотою подтвердилъ учрежденное патріархомъ Іоакимомъ Львовское братство, восхва-

*) Патріархъ Іоакимъ осудилъ нѣкоторые обычаи, принятые въ то время въ западно-русской церкви, но епископъ Гедеоу сталъ покровительствовать этимъ обычаямъ, и когда нѣкоторые братчики приняли къ руководству постановленіе патріарха, то епископъ Гедеоу предалъ ихъ отлученію. См. лѣтон. Львов. брат. годъ 1586 и 1588 годами.

*) При митрополитѣ Арсеніи братствомъ была въ 1588 году составлена и введена въ употребленіе инструкция учителю школы греческой и славянской. (См. лѣтон. Львов. брат. годъ 1588 год.). — Въ окружномъ посланіи отъ 1 мая 1587 года епископа Гедеоу весьма выразительно сказано, что митрополитъ Арсеній въ братской Львовской школѣ училъ греческому и славянскому письму дѣтей всякаго стану, причѣмъ убогихъ (бѣдныхъ) дѣтей училъ: „за прости Богъ“.

9) Письмо помѣщено: 1) въ А. З. Р., т. III, № 167; 2) въ Памят. Кіев. Ком., т. III, № II. и 3) въ Diplom. statut. № VIII; въ двухъ послѣднихъ издаваніяхъ это письмо относится къ ноябрю 1588 г. (когда патріархъ Іеремія находился въ Москвѣ), тогда какъ въ А. З. Р. письмо это значится написаннымъ въ ноябрѣ 1587 года.

10) Diplom. statut. № X и XIII

11) *Матеріи*, И. г. рус. церк., т. IX, стр. 414.

ляя при этомъ благочестивыхъ гражданъ города Львова, которые, во исполненіе заповѣди Христовой о любви къ ближнему, приняли на себя попеченіе о вдовахъ, сиротахъ, убогихъ и немощныхъ, а также заботы объ устроении странноприимнаго дома для приходящихъ отъ святыхъ мѣстъ, богадѣльни, училища и типографіи, какъ средствъ душеполезныхъ и спасительныхъ, причемъ патріархъ отлучалъ отъ церкви всякаго, кто явится разрушителемъ братскихъ правъ и учреждений ¹²⁾.

Въ это, приблизительно, время совершилось въ тѣхъ же просвѣтительныхъ цѣляхъ преобразование братскаго дѣла въ городѣ Вильнѣ.

Въ 1584 году въ гор. Вильнѣ, при древнемъ св. Троицкомъ монастырѣ, отданномъ въ томъ же году королемъ Стефаномъ Баторіемъ въ завѣдываніе и управленіе виленскимъ бургомистромъ, радцамъ и лавникамъ православнаго вѣроисповѣданія, учредилось съ широкими благотворительными и просвѣтительными задачами „братство церковное троицкое“ ¹³⁾, и въ 1588 году, съ благословенія митрополита Онисифора, напечатало свой уставъ. Въ этомъ уставѣ обращаетъ на себя вниманіе, основанное на евангельскихъ и апостольскихъ изрѣченіяхъ, воззваніе („предсловіе“), обращенное ко всѣмъ благочестивымъ православнымъ и преисполненное самыхъ возвышенныхъ мыслей о любви къ ближнимъ и о соединеніи въ братскій союзъ для выполненія этой Христовой заповѣди.

Согласно этому основному положенію, уставъ Троицкаго братства стремился также составить изъ вѣрующахъ такой живой союзъ, въ которомъ его члены,—связанные клятвеннымъ обѣщаніемъ, даннымъ въ храмѣ предъ священникомъ, о соблюденіи вѣрности „святому“ братству и о подчиненіи всѣмъ его правиламъ и повинностямъ, и находящіеся въ постоянномъ общеніи другъ съ другомъ для совершенія добрыхъ дѣлъ,—могли перевоспитывать себя въ христіанскомъ духѣ и руководствоваться во взаимныхъ сношеніяхъ христіанскими началами, которыя подавляютъ всякую гордость и всѣ вытекающія изъ нея страсти, ведущія къ разъединенію и человѣконенавистничеству.

¹²⁾ Diplom. statut, № VII; Памят. Киев. Ком., т. III, № III.

¹³⁾ А. З. Р., т. III, № 144.

Въ этихъ видахъ было постановлено въ уставѣ объ обязанности братчиковъ не допускать до нищеты своего брата и помогать ему изъ личныхъ и общихъ братскихъ средствъ, а болящаго навѣщать, и если бы онъ оказался безъ призора, то нанять особаго человѣка для ухода за нимъ. Особенно трогательно было обставлено погребеніе умершаго братчика, тѣло котораго должно было провожать все братство до могилы, причемъ шесть братчиковъ несли на рукахъ самый гробъ, а остальные съ позженными братскими зелеными свѣчами шли попарно впереди процессіи. Расходы по погребенію бѣднаго братчика, а равно и всѣхъ бездомныхъ и безродныхъ бѣдныхъ, братство принимало на свой счетъ. Въ устройствѣ братской процессіи при похоронахъ братство не отказывало и всѣмъ другимъ прихожанамъ, которые при жизни, хотя и не состояли въ числѣ вписавшихся въ братство, но родные которыхъ обращались съ просьбою къ братству объ участіи въ погребеніи.

Понимая высокое значеніе общественной молитвы въ храмѣ, Троицкое братство въ уставѣ своемъ требовало отправления по крайней мѣрѣ четырехъ въ году торжественныхъ задравныхъ и заупокойныхъ литургій, на которыхъ присутствовали все братчики и послѣ этихъ обѣденъ слѣдовали трапезы для всѣхъ убогихъ, нищихъ и маломощныхъ, и трапезы эти устраивались братчиками въ складчину. Кромѣ того, во все большіе праздники отъ братства выдавалась милостыня всѣмъ бѣднымъ, скитающимъ по улицамъ, находящимся въ больницахъ и томящимся по тюрьмамъ.

Что касается до устройства самаго братскаго союза, его самоуправленія и суда, то въ уставѣ было постановлено: а) братство было всесловнымъ и принимало въ свою среду лицъ обоаго пола (сестры братства) съ уплатою вступныхъ денегъ по желанію и возможности (опредѣленъ минимумъ взноса въ 12 грошей польскихъ); б) изъ своего состава братство ежегодно, въ Юмино воскресенье, избирало на одинъ годъ для управленія общими дѣлами братства двухъ старѣйшихъ братчиковъ и, кромѣ того, двухъ „строителей церковныхъ“, и двухъ смотрителей за госпиталями, которыхъ всѣхъ обязывало вести приходо-расходныя книги и представлять ежегодный отчетъ; къ числу

обязанностей строителей церковныхъ отнесены были: надзоръ за церковнымъ имуществомъ, собраніе въ церкви денегъ, а также снабженіе церковнаго хозяйства всѣмъ необходимымъ, въ томъ числѣ и свѣчами, причемъ особый надзоръ былъ предписанъ этимъ строителямъ за братскими четверть-фунтовыми свѣчами, съ которыми братчики стояли въ церкви въ опредѣленные часы богослуженія; в) ежемѣсячно братчики собирались на общеобязательную сходку въ братскій домъ, — путемъ обсыланія по околотку креста, — для обсужденія и рѣшенія текущихъ дѣлъ, причемъ каждый братчикъ уплачивалъ по грошу въ братскую кассу, которая хранилась у одного старшаго братчика, тогда какъ ключъ отъ нея находился у другаго старшаго братчика; г) всѣ братскія дѣла должны были сохраняться въ строгой тайнѣ и всему братству было предоставлено право суда надъ виновными въ неисполненіи уставныхъ правилъ и предписаній, а братчики въ дѣлахъ взаимныхъ обидъ и претензій не должны были искать другаго суда, кромѣ братскаго ¹⁴⁾.

Организовавъ свой союзъ на приведенныхъ началахъ, Троицкое братство приняло на себя, какъ и Львовское братство, самыя широкія благотворительныя и просвѣтительныя задачи. Такъ, оно помогало Троицкому госпиталю и учредило свое училище для воспитанія и наученія юношества въ духѣ православія, куда, на первыхъ же порахъ, не гнушались отдавать своихъ дѣтей даже такіе православные аристократы, какъ Огинскіе; братство также устроило и типографію для печатанія учебниковъ и книгъ религіозно-нравственнаго содержанія.

Тотчасъ же послѣ своего преобразованія Виленское братство вступило въ тѣсныя сношенія съ Львовскимъ братствомъ и пребывало съ нимъ съ того времени въ единеніи; 28 мая 1588 года Виленскіе братчики написали посланіе Львовскимъ братчикамъ и въ этомъ посланіи благодарили присылку только-что вышедшей изъ львовской братской

¹⁴⁾ Уставъ Виленскаго св. Троицкаго братства, по редакціи 1620 года, помѣщенъ проф. *С. Голубевымъ* въ матеріалахъ для ист. зап. рус. правосл. церк., напечатанныхъ въ Труд. Кіев. Дух. Акад. за 1878 годъ, и въ сочиненіи его „Петръ Могила“ (приложенія), причемъ *С. Голубевъ* замѣчаетъ, что документъ этотъ относится къ 1588 году.

типографіи „Славяно-греческой грамматики“, составленной студентами Львовскаго братскаго училища, просили прислать имъ одного или двухъ учителей, и въ свою очередь посылали имъ книгу „Маргаритъ“, въ которой указывали на мѣста, направленные противъ многочисленной въ то время въ городѣ Львовѣ „Армянской ереси“, а также свой уставъ („Чинъ Виленскаго братства“), который просили прочесть передъ всею Львовскою братіею ¹⁵⁾.

Пріѣздъ въ Россію, въ первый разъ послѣ введенія въ ней христіанства, вселенскаго патріарха Іереміи и долговременное пребываніе его въ западномъ краѣ еще болѣе оживилъ въ немъ братское дѣло и способствовалъ его росту и укрѣпленію.

3 іюня 1588 года патріархъ Іереміа прібылъ въ городъ Вильну и здѣсь новое Троицкое братство, явившись къ нему, представило своей печатный уставъ. Патріархъ, призвавъ Божіе благословеніе на христіолюбивое братство, утвердилъ его уставъ, а равно „школу греческаго, латинскаго и русскаго языковъ“ и типографію для печатанія книгъ, и предоставилъ ему, какъ и Львовскому братству, право отлучать всенародно въ церкви, чрезъ мѣстное духовенство, непокорныхъ и ведущихъ соблазнительный образъ жизни братчиковъ, а всѣхъ духовныхъ лицъ, не исключая и епископовъ, а также свѣтскихъ, предупреждалъ не раззорять братства и не противодействовать его благимъ начинаніямъ и трудамъ ¹⁶⁾. Въ заключеніи грамоты патріархъ приказывалъ протопопу Виленскому и всѣмъ священникамъ прочесть ее по всѣмъ церквамъ, дабы кто

— — —

) „Братію же невокарающуюся истинне и соблазнь зсебе ниемъ подающу симъ листомъ нашимъ Митрополиту кіевскому и галицкому и его намеснику, и всемъ кунно священникомъ места Виленскаго за прозбою всеє кунно братьи предъ всеми людьми во църкви отъ братства отлучити повелеваемъ“ — сказано въ самой грамотѣ. Эта грамота—отъ 5 іюня 1588 года помѣщена въ Собр. древ. акт. и грам. гор. Вильны, Ковна, Троць, 1843 г., ч. II, № 3.

¹⁵⁾ А. З. Р., т. IV, № 4. На пакетѣ имѣется слѣдующій адресъ: Братству о Христвѣ храма Успенія Божіей Матере, православнымъ христіаномъ, мѣщаномъ великаго града Лвова славному народу Рускому належить“. Въ примѣчаніи № 3 сказано: что-же касается до чина Виленскаго братства, то эту любовитную книжку, кажется, надо считать потерянной. Не составляетъ ли общеродованный проф. Голубевымъ уставъ этого братства, его первоначальное изданіе?

изъ православныхъ не погрѣшили невѣдѣніемъ сего предписанія. Въ скоромъ времени послѣдовало утверженіе братства королемъ, которому представлены были листъ патриаршій и печатный чинъ (уставъ) братства. 21 іюля 1589 года въ городѣ Вильнѣ Сигизмундъ III далъ братству жалованную грамоту, которая во многихъ отношеніяхъ служитъ дополненіемъ приведеннаго выше устава. Въ этой грамотѣ устанавливалось начало о добровольности братскихъ складчинъ и взносовъ („што самъ похочеть водлугъ воли и преможенья своего“), причемъ указывались сроки для такихъ взносовъ, именно: при вступленіи въ братство, при воскресныхъ сходкахъ, и одинъ разъ въ годъ назначалась „складанка“ общая — на четвертой недѣлѣ послѣ Рождества Христова *). Четыре раза въ недѣлю, именно: по воскресеньямъ, средамаъ, пятницамаъ и субботамаъ, отправлялась чрезъ братскаго священника и діакона ранняя служба въ монастырѣ въ предѣлѣ принадлежавшемъ братству въ Троицкой церкви, а въ пятницу, кромѣ того, служили общій молебень за здравіе короля и всего христіанства. Относительно обученія въ брагской школѣ было постановлено, что для дѣтей вписныхъ братій, а также для всѣхъ бѣдныхъ и сиротъ, оно должно быть даровымъ. Въ числѣ предметовъ преподаванія король указывалъ и на польскій языкъ; но всего важнѣе встрѣтитъ въ этой грамотѣ указаніе на то, что въ Виленской братской школѣ на первыхъ же порахъ было введено преподаваніе церковнаго пѣнія („спеванье“). Для осуществленія своихъ просвѣтительныхъ и вообще церковно-устроительныхъ цѣлей, братство принимало на себя обязанность содержать (сколько потребуется) особыхъ ученыхъ людей изъ духовнаго и свѣтскаго званія. вмѣстѣ со школою король позволялъ братству печатать въ его типографіи, по-гречески, по-славянски, по-русски и по-польски, всякія полезныя для всего христіанскаго народа книги, какъ необходимыя для школы, такъ потребныя для церкви. Кромѣ этого, братство приобрѣтало большія гражданскія и политическія права. Король освобождалъ братскій домъ отъ постоя, а жителей его отъ

*) Наконецъ, устанавливалась также складка „по шести грошей“ на каждую городскую церковь, гдѣ справлялся храмовой праздникъ.

уплаты разныхъ податей и повинностей, и позволялъ братству принимать всякіе вклады и отказы по духовнымъ завѣщаніямъ разнаго рода имуществъ, какъ движимыхъ, такъ и недвижимыхъ. Братству предоставлено было этой королевской грамотой также право безпрепятственно оканчивать своимъ судомъ („судовнимъ обычаемъ“) всѣ начатые въ его собраніяхъ споры и ссоры между братчиками *), которымъ возбранялось въ этихъ дѣлахъ искать другаго суда и далѣе, какъ значится въ грамотѣ: „если кривда отъ цѣлаго братства въ ихъ братскихъ дѣлахъ кому была, то ни одинъ изъ судовъ (трибунальный, маршалковскій, земскій, гродскій и мѣстскій) не долженъ былъ вмѣшиваться въ эти столкновения, и только самъ государь, какъ защитникъ всякихъ добръ духовныхъ и братствъ церковныхъ будетъ справедливость въ нихъ чинить“. Такимъ образомъ этимъ пунктомъ грамоты всѣ столкновения братства съ посторонними лицами и учрежденіями король исключалъ изъ подсудности мѣстныхъ властей и подчинялъ своей юрисдикціи ¹⁶⁾.

Во второй свой пріѣздъ въ Литву, лѣтомъ 1589 года, патріархъ Іеремія—имѣя дозволеніе отъ короля производить судъ и расправу надъ всѣмъ православнымъ духовенствомъ—устроилъ дѣла литовской паствы и, низложивъ нѣкоторыхъ недостойныхъ членовъ тамошней іерархіи, въ томъ числѣ и митрополита Описифора (на мѣсто котораго былъ избранъ

*) Вспомнимъ, говоритъ историкъ Соловьевъ, (въ стат. „Братчины“, помѣщ. въ Рус. Бесѣд. 1856 г., кн. IV), древне-русское положеніе: „братчина судить, какъ судья“.

¹⁶⁾ Королевская привилегія напечатана: 1) въ А. З. Р., т. IV, № 18; 2) въ Собр. древ. грам. и акт. г. Вильны, Ковна и Троцьк, ч. II, № 4; 3) въ Акт. Вилен. Ком. т. IX стр. 140, № 52, гдѣ значится, что она напечатана и въ Чт. Пм. Общ. ист. и древ. Рос., 1859 г., кн. III, отд. III, стр. 23—28. Согласно этой грамотѣ братство было ограждено и отъ посягательствъ Виленскаго магистрата на отобраніе отъ него членовъ и на пользование услугами братчиковъ для другихъ братствъ (т. е. очевидно медовыхъ). Привилегія эта была впоследствии подтверждена королемъ Владиславомъ IV, въ 1633 году; см. А. З. Р. т. IV, стр. 25. Подтверженіе привилегіи 1589 года воспослѣдовало со стороны короля Сигизмунда III еще 9 октября 1592 года, по почину пана Григорія Тышковича Бузыча и всего братства, въ составъ котораго входили: „особы съ пановъ-радъ и съ кола рыцерекаго“; см. Акт. Вилен. Ком., т. IX, стр. 144.

Михаилъ Рогоза), помогъ и Львовскому братству, при-
славшему ему въ Вильну чрезъ особыхъ пословъ письмо,
въ которомъ указывалось на разныя продолжавшіяся при-
тѣсненія братству со стороны Гедеона Болобана ¹⁷⁾. Этотъ
епископъ, не смотря на защиту патріарха правъ братства,
никакъ не могъ примириться съ фактомъ существованія въ
его епархіи такого самостоятельнаго и облеченнаго важными
полномочіями учрежденія, какимъ являлось Успенское брат-
ство, владѣвшее двумя монастырями, которые Гедеонъ счи-
талъ принадлежащими его епископской кафедрѣ *). Во-
просъ объ Онуфріевскомъ монастырѣ былъ разрѣшенъ па-
тріархомъ въ самомъ благопріятномъ для братства смыслѣ,
а именно: патріархъ выдалъ братству грамоту, по которой
монастырь этотъ былъ окончательно изъятъ изъ вѣдѣнія
мѣстнаго епископа, сдѣланъ по прежнему „ставропигиаль-
нымъ“ и ктиторство надъ нимъ было укрѣплено за брат-
ствомъ ¹⁸⁾. При самомъ своемъ выѣздѣ изъ предѣловъ
Россіи патріархъ Іеремія, находясь вмѣстѣ съ пятью епи-
скопами въ городѣ Тарнополь и выслушавъ защитительную
рѣчь на греческомъ языкѣ учителя Львовской братской
школы Кирилла, принялъ вполнѣ сторону братства и, не
забывая въ городъ Львовъ по случаю бывшаго въ немъ
мороваго повѣтрія, въ ноябрѣ 1589 года снова подтвер-
дилъ всѣ права Львовскаго братства, причемъ изложилъ
нѣкоторыя новыя правила, которыя служили дополненіемъ
и развитіемъ прежняго устава. Такъ, патріархъ завѣщалъ
быть Успенскому братству навсегда ненарушимымъ и не-
измѣняемымъ, ни отъ епископовъ, которые здѣсь (въ гор.
Львовѣ) будутъ, ни отъ другихъ епископовъ, ни отъ кня-
зей и господъ, ни отъ священниковъ и мірянъ—подъ угро-

) О дальнѣйшихъ столкновеніяхъ Львовскаго братства съ епископомъ
Гедеономъ см. лѣтоп. Львов. брат., подъ 1589 годомъ.

¹⁷⁾ А. З. Р., т. IV, № 16; Diplom. statut., № IX.

¹⁸⁾ Diplom. statut. № XIV. Пмят. Кув. Ком. т. III, № IV. Въ послед-
немъ изданіи эта грамота значится выданной въ 1590 году, а въ Diplom.
statut. въ 1588 году. Въ виду имѣющей на этой грамотѣ подписи Ки-
рилла Терлецкаго, пазначеннаго патріаршимъ экзархомъ въ 1589 году, а
равно въ виду двухъ изданныхъ патріархомъ Іереміей въ ноябрѣ 1589 года
грамотъ, охраняющихъ интересы Львовскаго братства, надлежитъ,
кажется, считать грамоту объ онуфріевскомъ монастырѣ выданной въ
1589 году.

зою вѣчнаго запрещенія и неразрѣшимаго отлученія отъ церкви. Далѣе патріархъ постановилъ, чтобы въ городѣ Львовѣ кромѣ братскаго общественнаго училища не было другаго учебнаго заведенія для православныхъ дѣтей, причемъ дѣти бѣдныхъ родителей должны были обучаться даромъ. Братской типографіи было предоставлено право „съ великимъ вниманіемъ и тщаніемъ“ печатать не только церковныя, богословскія книги и лѣтописи (хроники), но и другія, нужныя для училища, именно: грамматику, пиитику, реторику и философію. Братству также было предоставлено право свободнаго и независимаго отъ мѣстнаго епископа избранія своихъ священниковъ. Патріархъ Іеремія также въ ноябрѣ 1589 года обратился ко всей православной паствѣ съ посланіемъ, прося о матеріальной помощи Львовскому братству на сооруженіе его церкви и его просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденій, и дозволилъ братству по устройству его дѣлъ и полученію вспоможенія посылать пословъ и письма въ чужія края ¹⁹⁾ *).

Признаніе патріархомъ Іереміей Львовскаго и Виленскаго братствъ своими ставропигіальными, то есть находящимися въ вѣдѣніи и зависимости отъ патріаршей власти, и предоставленіе Львовскому братству права высшаго надзора за жизнью всѣхъ православныхъ въ краѣ, въ томъ числѣ и духовенства, создавали этимъ братствамъ почетное и вліятельное положеніе въ Православной Церкви, которое они съ честью и достоинствомъ поддерживали во все время ихъ многолѣтняго существованія ²⁰⁾. Съ этого времени ихъ

*) Въ 1590 году патріархъ Іеремія написалъ письмо къ воеводѣ молдавскому Петру и его сыну Стефану, съ просьбой принять братскихъ пословъ и дать Львовскому братству матеріальную помощь; см. I т. юбилейн. изд. Львов. брат. № СХVІІІ.

¹⁹⁾ Diplom statut. XVI и XVII; Памят. Кіев. Ком. т. III, № V; I томъ юбилейн. изд. Львов. брат., LXXXVI и LXXXVII.

²⁰⁾ О ставропигіальности Виленскаго братства см. мѣвнія митрополита *Макарія*. Исг. рус. церк., т. IX, стр. 496, и *Флорова*. О прав. церк. брат., стр. 58, Обрядъ крестоводруженія въ храмъ братства не могъ быть совершенъ за неимѣніемъ у братства собственнаго храма, такъ какъ монастырь Троицкій ему не принадлежалъ. О ставропигіальности Львовскаго братства свидѣтельствуютъ грамоты 1588, 1589 и 1593 годовъ; см. Diplom. statut., №№ XIV, XVI и XXIII, памят. Кіев. Ком. №№ IV—IX. Ставропигіальность Львовскаго и Виленскаго братствъ признана на Брестскомъ

дѣятельность, а также дѣятельность и другихъ братствъ, учредившихся по ихъ образцу, входятъ въ исторію не только церковную, но и политическую всей западной Россіи; эти духовно-мірскія учрежденія являлись силою, съ которою пришлось считаться польскому правительству, католической власти и многочисленнымъ врагамъ православной церкви.

Независимо отъ устройства дѣлъ Львовскаго и Виленскаго братствъ, патріархи Іоакимъ и Іеремія, усмотрѣвъ благотѣльное значеніе для Церкви братскихъ учреждений, успѣли въ бытность свою въ Россіи учредить въ нѣкоторыхъ западно-русскихъ городахъ церковныя братства, или же поддержать и благословить тѣ братства, которыя они застали уже организованными. Къ патріарху Іоакиму въ городѣ Львовѣ приходили ктиторы храма св. Николая въ селѣ Уличѣ и патріархъ, по ихъ просьбѣ, утвердилъ и далъ уставъ духовному братству Улицкому ²¹⁾. Тотъ же патріархъ учредилъ 15 января 1586 года православное братство въ городѣ Люблинѣ при храмѣ Преображенія Господня и уставъ его позднѣе былъ скрѣпленъ патріархомъ Іереміей, который въ 1589 году посѣтилъ между прочимъ города: Замостье, Красноставъ и сосѣднія мѣстности ²²⁾. Вѣроятно во время пребывания патріарха Іереміи въ городѣ Замостьи устроилось на предмѣстьи, при церкви Вознесенія Господня, братство Вознесенское, которое впоследствии, при сооруженіи въ 1604 году въ самомъ городѣ на средства мѣщанъ св. Николаевской церкви, слилось на время съ братствомъ свято-Николаевскимъ, учредившимся при этой послѣдней церкви ²³⁾. Съ большею достоверностью можно утверждать, что патріархъ Іеремія, находясь въ городѣ Красноставѣ, подтвердилъ грамотою церковное братство въ этомъ городѣ, гдѣ уже въ половинѣ XVI вѣка находились: церковно-приходская школа и бога-

соборѣ, бывшемъ въ октябрѣ 1591 года; см. Лѣтоп. Львов. брат.. подл. 1591 годомъ.

²¹⁾ Свод. галиц. русск. лѣтоп. *Петрушевича*, т. I, стр. 302.

²²⁾ Архивъ юго-запад. Россіи, ч. I, т. VI, № LI, стр. 105; *Ватюшковъ*, Холмская Русь, стр. 43, и примѣч. 34.

²³⁾ *А. Будиловича*, Рус. прав. старина въ Замостьѣ, стр. 14, 18, 26, 28 и 29.

дѣльня ²⁴⁾, Патріархъ Іеремія далъ также свою благословенную грамоту церковному братству, находившемуся въ гор. Рогатинѣ при храмѣ Рождества Богородицы, на устройство по образцу Львовскаго и Виленскаго братствъ и съ предоставленіемъ братству права выбора своего священника, а еще ранѣе, именно въ августѣ 1587 года, патріархъ защитилъ это братство отъ притѣсненій Львовскаго епископа Гедеона Болобана, неосновательно и пристрастно отлучившаго нѣкоторыхъ братчиковъ (въ томъ числѣ нѣкоего Ѳедора Грека) отъ церкви ²⁵⁾ *). Въ іюлѣ 1589 года могилевскіе мѣщане, отправивъ посломъ въ гор. Вильну Сергѣя Максимовича, испросили у находившагося въ томъ городѣ патріарха Іереміа грамоту на устройство въ городѣ Могилевѣ церковнаго братства ²⁶⁾. Наконецъ, по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ въ сочиненіи „Описаніе Кіево-Софійскаго собора“ (1825 г., прилож. стр. 209), патріархъ Іеремія въ 1589 году, возвращавшійся изъ Москвы чрезъ Кіевъ, далъ благословеніе завести училище въ гор. Кіевѣ при знатнѣйшей тогда изъ кіевскихъ русскихъ школъ, находившейся у Богоявленской церкви, которая имѣла уже тогда для содержанія оной и особое братство и доходныя имущества, какъ видно изъ одной купчей кіевского жителя Андрея Обухова отъ 1594 года на Свергановскій плацъ на Подольѣ, уступленный сему братству.

Оказанное патріархами могущественное покровительство братскому дѣлу на Руси еще болѣе побуждало православныхъ спланиваться въ церковные союзы и этому движенію

*) Имѣется извѣстіе, что въ это-же время, въ Галичинѣ, кромѣ Рогатинскаго и другихъ названныхъ братствъ, учредились еще братства, по образцу Львовскаго братства, въ Гологорахъ въ Гродкѣ. См. лѣтоп. Львов. брат., подъ 1588 годомъ. Жители г. Гологоръ на указаніе епископа Гедеона, что простымъ людямъ науки не пужны, заявили ему, что св. Павель повѣщаетъ всѣмъ учиться.

²⁴⁾ Свод. галиц. рус. лѣтоп. *Петрушевича*, т. I, стр. 301; *А. Ломинновъ* Червенскіе города, 1885 г., стр. 305 и 306: въ этомъ сочиненіи замѣчено: „едва-ли не самымъ древнимъ изъ церковныхъ братствъ Холмской Руси пужно признать братство Красноставское или Шекаревское, начало котораго предположительно относить ко времени не позже XV вѣка“.

²⁵⁾ *Diplom. statut.* №№ XI и XV.

²⁶⁾ Вилен. Арх. Сб., т. II, № 43, стр. 58; *Макарій*, Ист. рус. цер. т. X, стр. 348.

должны были содѣйствовать православные епископы, а равно и новый митрополитъ Михаилъ Рогоза, который въ первые годы своей дѣятельности весьма рѣшительно поддерживалъ братства и ихъ учрежденія *).

На слѣдующій годъ послѣ отъѣзда патріарха Іереміи изъ Россіи былъ созванъ, по его приказанію, въ гор. Брестѣ, лѣтомъ 1590 года, соборъ православныхъ іерарховъ для устраненія различныхъ безпорядковъ въ Церкви и для разрѣшенія дѣлъ духовенства. На этомъ соборѣ іерархи занялись также дѣлами церковныхъ братствъ, и въ частности—распрей епископа Гедеона съ Львовскимъ братствомъ, которое прислало на соборъ цѣлое посольство, состоявшее изъ семи лицъ. Отцы собора приняли всецѣло сторону братства, дозволяли и благословляли, чтобы Львовское братство храма Успенія Богородицы (а также братство Рогатинское) распоряжалось своими дѣлами согласно патріаршимъ грамотамъ, каждое слово которыхъ было оставлено ими въ совершенной силѣ, оградили отъ посягательствъ Гедеона братскій Онуфріевскій монастырь **) и, самое

*) Двѣ грамоты митр. Михаила Львов. братству отъ 22 іюня 1590 г.; одна изъ нихъ приводится въ нижеслѣдующемъ примѣчаніи; относительно второй см. Введеніе къ I т. юбил. изд. Львов. брат. стр. VI.

**) Въ грамотѣ митрополита Михаила Рогозы отъ 1590 года исторія этого монастыря, сдѣлавшагося предметомъ долголѣтняго раздора между братствомъ и епископомъ Гедеономъ изложена такъ: „въ Галицкой митрополіи, близъ города Львова, въ предмѣстьи Краковскомъ, подъ горою высокаго замка стоитъ древній монастырь святаго Онуфрія. Онъ, какъ свидѣтельствуеть грамота и народное преданіе, въ давнія времена заложенъ русскими предками, а отъ мѣщанъ, ктиторовъ церкви Успенія пресвятой Богородицы, надѣленъ фундушемъ, выстроень изъ камня, расширенъ пожалованными отъ нихъ землями и ихъ стараніемъ, распоряженіемъ, милостынями и собственными ктиторскими вкладами украшенъ, къ чести и славъ Божіей и къ ихъ общему спасенію: тамъ они питали престарѣлыхъ отцевъ и немощныхъ братій своихъ, принимали странниковъ, духовныхъ и иноковъ, также погребали тѣла мертвыхъ своихъ за большую тѣснотою жительства ихъ въ городѣ. Монастырь этотъ состоялъ подъ покровительствомъ монастыря и права Уневскаго, а завѣдывали имъ и ключи отъ него всегда имѣли упомянутые основатели, мѣщане Львовскіе; и онъ, всегда находясь въ митрополіи нашей Галицкой, постоянно былъ и есть подъ нашимъ благословеніемъ“. Далѣе изъ постановленія митрополита видно, что онъ въ свою очередь сдѣлалъ Онуфріевскій монастырь совершенно независимымъ отъ епископа Гедеона, а равно и отъ будущихъ Львовскихъ епископовъ, а власть и управленіе надъ монастыремъ ввѣрилъ Львовскому

важное, постановили, чтобы по образцу Львовскаго братства вездѣ устроились „одинакія братства“ ²⁷⁾ *). И вотъ, съ 1590 года вплоть до введенія униі мы видимъ, что по разнымъ городамъ и мѣстечкамъ западной Россіи ежегодно возрастало общее число братствъ, которыя, смотря по мѣстности и средствамъ, принимали на себя часть или всѣ обязанности, указанныя въ уставахъ Львовскаго и Виленскаго братствъ, а уставы этихъ братствъ тщательно списывались и повсюду въ то время распространялись. Движеніе въ пользу учрежденія церковныхъ братствъ весьма характерно и сопровождалось такимъ подъемомъ нравственнаго уровня православнаго населенія, который оставилъ слѣды въ разныхъ постановленіяхъ, вошедшихъ въ уставы братствъ и въ братскихъ учрежденіяхъ, а погому необходимо перечислить тѣ братскіе союзы, которые возникли и развились въ это достопамятное время и ознакомиться, въ сжатыхъ чертахъ, съ особенностями ихъ устройства.

(Окончаніе слѣдуетъ).

А. Панковъ.

братству. — Памят. Кіевск. Ком., т. III. ч. I, стр. 46 и 47. Изъ письма Львовскаго братства отъ 9 апрѣля 1598 г. ко всеѣмъ христіанамъ о милостынѣ узнаемъ, что при братскомъ Онуфріевскомъ монастырѣ находился и дѣвичій монастырь св. Екатерины: I т. юбилейн. изд. Львов. брат. № СIII.

^{*)} Экземпляръ соборнаго постановленія былъ данъ братству, и потому оно послало своихъ депутатовъ на всѣ послѣдующіе соборы; лѣтон. Львов. брат. подъ 1590 годомъ.

²⁷⁾ Собр. древ. грам. и акт. городовъ Минской губ., № 139, стр. 300 судная грам. Брестскаго собора 1590 г. въ Памят. Кіев. Ком., т. III № VII, стр. 60.